

Слово редактора

ПРОИЗВОДСТВО СВИНИНЫ И ГОСПОДСТВО НАД СТРУКТУРАМИ

В.П. Макаренко
Южный федеральный университет

Аннотация: Автор на основе анализа основных элитологических концепций современной России обосновывает необходимость когнитивного сопротивления интеллектуально-политическим модам. Существующим теориям политической элиты России противопоставляется пространственно-магистический подход, позволяющий использовать концепты стаи и животных в анализе проблем элиты.

Ключевые слова: когнитивное сопротивление, интеллектуально-политические моды, элита, клика, пространственно-магистический подход.

Цель статьи — свести воедино несколько направлений моей читательской и исследовательской практики для дальнейшей аргументации концепта когнитивного сопротивления интеллектуально-политическим модам. В предыдущих статьях было показано, что теория модернизации, культурно-цивилизационный подход, историософия и глобалистика являются результатом воздействия на научное сообщество экстранаучных интересов и институтов, для которых истина не является главной ценностью. Теория элит в СССР тоже считалась выдуманной буржуазного обществоведения. В нынешней России распространены два убеждения: элиты в стране есть; члены государственного аппарата относятся к элите. Но с этим согласны не все.

Тройка несогласномыслящих

Д. Эпштейн считает, что нынешних правителей страны можно считать элитой, если методологией решения вопроса взять брошюру «Совхоз „Элита“ — высокорентабельное хозяйство», изданную в 1958 году¹. Вывод Д. Эпштейна таков: отборные свиньи и нынешние рос-

¹Этот совхоз снабжал свинойной Омскую область и выставлял экспонаты на ВДНХ: «Кропотливая работа над имиджем элитных экспонатов начиналась задолго до их вывоза в столицу. Особый контингент „Элиты“ уже с раннего детства отделялся от основного свинопоголовья. Воспитанники содержались в особом хлеву улучшенного типа с отдельным выгульным двориком. Богатейшая спецкормокухня готова была круглые сутки удовлетворять непрерывно возрастающие потребности спецконтингента. „Режим неограниченного кормления“ — вот как называлось ноу-хау „Элиты“. А после ударного откорма — долгая счастливая жизнь в монументальном павильоне „Свиноводство“. Его парадный подъезд по обеим сторонам украшен барельефными портретами представителей элиты — дородных, вальяжных, даже величественных. С таким пиететом в советские времена изоб-

сийские элиты — одно и то же.

В исследовании Левада-Центра на основе применения всех социологических методик (включая интервью с представителями власти) доказано: профессиональные элиты в России были всегда, но политических элит не было в СССР и нет в современной России; были и есть квазиэлиты, которые негативно влияют на все сферы социальной, экономической, политической и культурной жизни России [Гудков, Дубин, Левада 2007].

По мнению Ж.Т. Тощенко, квалификация современного руководства России как «элиты» есть очередная мода. Обычно в состав так называемых «российских элит» включают три группы: бывшую партгосноменклатуру; теневиков; искателей богатства и славы. Ни одну из этих групп нельзя назвать элитой. Ж.Т. Тощенко полагает, что элита — это не обладание властью, а служение национальным интересам в международном и внутреннем смысле; патриотизм и гражданственность; высокий интеллектуальный уровень; преемственность. Ни одного из этих качеств у современной власти нет. Отсюда Ж.Т. Тощенко делает вывод: элит в СССР/России не было и нет; страной правят клики [Тощенко 1999: 123-133].

Приятно, что коллеги развивают идеи, которые я сформулировал «на заре» отечественного бума на элитологию. Принадлежность к правительству и аппарату управления не может быть критерием элиты, а влечет за собой персональный (групповой) эквивалент социального паразитизма и политического отчуждения. Для обозначения вершины и остальных уровней властных аппаратов я предлагаю использовать социологический смысл термина *клика* [Макаренко 1992].

Клика — это малая группа в рамках больших социальных групп. Она возникает стихийно, принадлежит к неформальным связям, которые существуют в рамках социальных и институциональных структур. Клики стремятся с помощью явных и скрытых действий так сформировать структуры, чтобы занять в них господствующее положение и получить наибольшую материальную пользу. Цель клики — полное господство над структурой без ее изменения.

Во властно-управленческих аппаратах существуют несколько типов клик:

Симбиотическая клика с вертикальной структурой базируется на принципе равенства услуг. Она организуется лицом, занимающим высшее положение в иерархии. Путем взаимных поддержек и протекций (начальник потакает слабостям отдельных подчиненных, а последние шпионят в его пользу, информируют об опасностях, организуют систему интриг вместо общественного мнения, поддерживают при выборах на руководящий пост и т. п.) он привязывает к себе лиц, занимающих средние и низшие посты в аппарате.

Паразитическая клика с вертикальной структурой аналогична предшествующей, но отличается от нее неравенством услуг. В ней только некоторые подчиненные становятся «фаворитами» начальства. Оно покупает их преданность и с их помощью подчиняет остальных. Вокруг привилегированных холуев создается ореол особых возможностей и влияния. Такая клика действует по древнему принципу «Разделяй и властвуй».

Защитная клика с горизонтальной структурой возникает в периоды смены политического курса и социальных и политических реформ. В этом случае члены аппарата объединяют свои силы для солидарного противостояния изменениям при помощи саботажа, кадровых перемещений, формальной и символической деятельности и пр.

Агрессивная клика с горизонтальной структурой возникает в результате перекрещивания разных интересов. Она нацелена на изменение существующего уклада социальных и политических сил, а не на сохранение статус-кво. Ее члены занимают равное положение в со-

циальной и организационной структуре и имеют общие интересы. Для их достижения они поддерживают друг друга в борьбе за власть, материальные и прочие ценности.

Случайная клика возникает на основе знакомств и вытекающих отсюда обоюдных услуг, связанных с удовлетворением желаний, вкусов и потребностей.

Вместо разговоров о политических элитах СССР/России я предлагал изучать симбиотические, паразитические, защитные, агрессивные и случайные типы клик в государственном аппарате СССР/России, на вершине иерархии и на местах, в главных и второстепенных государственных ведомствах. Эта работа уже проделана. С.В. Патрушев определяет российский социум как кликократию [Патрушев 2011]. Я думаю, под таким углом зрения можно написать историю Российской империи/СССР/Российской Федерации как историю своего хутора. Хутора потому, что мне неизвестны работы, в которых бы доказывалось: политическая история СССР/России свободна от всех перечисленных типов клик и связанных с ними отношений.

Для аналитических целей я предлагал разделить коллектив и клику по следующим критериям: коллектив реализует цели на основе норм морали и права; клика движима своекорыстием и властолюбием, но избегает явных нарушений уголовного кодекса; клика объединена на основе господства-подчинения как мнимо-объективной связи, которая на самом деле направлена на достижение целей клики; члены коллектива связаны социальной, моральной, политической или идейной солидарностью; клика имеет иерархическую структуру, хотя она не всегда заметна и обычно переплетена со способом возникновения и принципами данной организации; коллективы обладают публичной структурой, которая вытекает из организационных схем.

В другой работе я уже обращал внимание на то, что не только аппарат КПСС (как считалось во время перестройки), но и главные государственные ведомства (обороны, МВД-КГБ, иностранных дел), а также их возрастные когорты (так называемые «ветераны» — т. е. пенсионеры всех перечисленных ведомств) являются предпосылкой авторитарно-бюрократических тенденций революций и реформ [Макаренко 1990]. Это предвидение целиком подтвердилось: современный режим в России является авторитарно-бюрократическим, в котором силовые структуры играют первую скрипку [Гудков 2009].

Итак, у читателя возник выбор: примкнуть к большинству и полагать, что политические элиты в России есть; или считать их свиньями, квазиэлитами, кликами. Если читатель реализует первый вариант, ему придется промусолить 2310000 сайтов, которые висят в данный момент в Рунете на тему политических элит России. На худой конец прочесть книгу одного из членов советской элиты, которого кремлевские жители назвали «примкнувшим», а он сам себя определил наоборот [Шепилов 2001]. Если же читатель заинтересуется мнением несогласномыслящих, я приглашаю его вместе со мной прочесть пару-тройку книг, чтобы вникнуть в проблему.

Важность проблемы уже осознана. Бывший выпускник Ростовского университета, спичрайтер Л.И. Брежнева и сотрудник ЦК КПСС А. Бовин пишет: «Я не был палачом и не был жертвой. Но я был неотъемлемой частью того большинства, молчание которого сделало возможным появление палачей и жертв... Как ни ужасна правда, которая открыта нам, правда, которая еще не открыта, вернее, открыта не полностью, наверное, во сто крат ужаснее» [Бовин 2003: 118]. Что же это за скрытая ужасная правда? Этот вопрос не в моей компетенции. Я руководствуюсь парафразой, извлеченной из книги И.С. Кона: как научиться работать над темами, которые не могут быть использованы государственным аппаратом для укрепления своей власти [Кон 2008: 136]?

Проблематизация

Оттолкнусь от статьи Б.Г. Юдина. Он отмечает, что сегодня под влиянием успехов биологии в массовом сознании преобладает взгляд: генетические, а не социальные детерминанты играют ключевую роль при объяснении природы и поведения человека. Происходит массовое «обращение в генетическую веру». На этой почве место социальных утопий заняли утопии индивидуальные. Объектом индивидуальных утопий является будущее самого утопающего, его детей и близких: «Вожделения направляются на такие объекты, как крепкое здоровье, способность добиваться высших достижений в тех или иных областях деятельности, комфортная, счастливая, активная (в пределе — бесконечная) жизнь... Неисчерпаемым источником, питающим утопическое мышление наших дней, являются биологические науки, и прежде всего — генетика» [Юдин 2004: 263-264].

В этом контексте Б.Г. Юдин обсуждает идеи книги Ф. Фукуяма «Наше постгуманистическое будущее: последствия биотехнологической революции»². Одним из вариантов этой революции становится конструирование человека³. Общественное мнение некритически воспринимает обещания пропагандистов генно-инженерных технологий. Этот факт является результатом социально-психологической обработки. В публичном восприятии генетики снова распространяется механистический подход. СМИ почти каждую неделю сообщают об открытии нового гена, «ответственного» за ту или иную болезнь, привычку или черту поведения.

Б.Г. Юдин констатирует: существуют принципиальные различия между прежними и нынешними проектами конструирования человека: прежние основывались на концепциях, описывающих реальность в терминах детерминации (генетическая конституция или законы истории), современные — на конструировании и ре-конструировании человеческого существования; прежние акцентировали внимание на сущность индивида, современные обращают внимание на детали и технологию, оставляя в стороне или игнорируя более глубокие уровни человеческой жизни и существования [Юдин 2004: 276-280].

Возникает вопрос: существует ли связь между верой большинства в существование элит и массовым обращением в генетическую веру?

² Ф. Фукуяма описал четыре биотехнологических пути к постчеловеческому будущему: расширение знаний о мозге и биологических основах человеческого поведения; нейрофармакология и манипулирование эмоциями и поведением; продление жизни; генетическая инженерия. Все эти пути ведут к возрождению евгеники на индивидуальном уровне. Распространение психотропных препаратов в США демонстрирует три мощных тенденции: желание людей как можно больше медикализировать свое поведение с тем, чтобы снизить ответственность за свои действия; давление экономических интересов; расширение сферы терапевтических воздействий: «Никто, никакая тоталитарная власть, не загоняет людей в этот новый мир. Он будет (если будет) построен путем свободных решений, множества актов свободного и добровольного выбора, осуществляемых самими людьми» [Юдин 2004: 272].

³ «Некоторое время назад, — пишет Б.Г. Юдин, — мне стало известно о таком факте, имевшем место в Москве. Группа достаточно состоятельных родителей обратилась к психологам с предложением подготовить специальную образовательную программу для школьников. Родители обеспокоены тем, что существующая в России система образования воспроизводит детей с определенным набором личностных черт, таких как сильная зависимость собственных взглядов и установок от ближайшего окружения, стремление не выделяться на фоне других, способность легко подчиняться тем, кто наделен властью, отсутствие склонности и навыков лидерства. По мнению этих родителей, дети с такими чертами личности будут недостаточно приспособленными и успешными в будущей самостоятельной жизни, где необходимо проявлять противоположные свойства... Таким образом, и здесь мы сталкиваемся с проектом создания молодых людей с заранее заданными личностными свойствами. Только в этом случае речь идет не о биологическом или генетическом, а о психологическом и социально-психологическом конструировании» [Юдин 2004: 275-276].

**Культурный коктейль
или проблема классификации стайных животных**

Ответить на этот вопрос помогают свежие книги. В.Ю. Михайлин разработал пространственно-магистический подход для анализа детерминированности культурных практик территорией, на которой находится индивид или группа. При этом термин «территория» (или «зона») понимается в культурно-антропологическом, а не пространственном смысле⁴. В.Ю. Михайлин считает, что внутри современного городского человека плещется «культурный коктейль», в котором соединяется архаика и современность [Михайлин 2005: 11-14].

Для доказательства этого ключевого концепта В.Михайлин анализирует русский мат как общепринятый советский код. Ключевая формула русского мата известна «от Москвы до самых до окраин». Ее магический смысл означает; мать оппонента была осквернена псом; не существует разницы между воином и собакой. Оппонент становится нечистым, проклятым и фактически мертвым сразу по трем позициям: 1. Его отец не является человеком, а сын хтонического существа сам есть существо хтоническое. 2. Мать оппонента актом коитуса с собакой теряет право называться женщиной и становится сукой. Оппонент приобретает имя сукин сын. 3. Пространство, на котором состоялся такой коитус, не может быть «нормальным» для зачатия человеческого ребенка. Оно является Диким полем — маргинальным, хтоническим пространством, противоположным «правильному» домашнему прокреативному пространству.

На этой основе в разных культурах сформировался корпус эпических песен. Они были «стайным» делом, исполнялись носителем коллективного знания. Эти песни адресовались мужскому собранию в походе или на празднике.

По мере перехода от военной власти к жреческой власти военный вождь терял власть над центром. Его харизма становилась маргинальной. Овладение колесом и техникой верховой езды лишила волчью зону естественных внешних границ. Весь мир становился Диким полем, за исключением центральной культурной части. Рост мобильности волчьих стай вел к практике набегов на соседние области с целью добычи (вначале стад и отар). Пребывание в маргинальном статусе становилось нормой существования, поскольку давало возможность быстрого достижения высокого социального и экономического статуса. Набеги за добычей превращались в территориальные захваты. Хозяевами на новых территориях становились лидеры стай. Новая жизнь организовалась по законам Дикого поля, в котором война есть основное занятие, а агрессивность поведения — культурная норма.

«Стая» и милитаризованные общества изначально расположены к единобожию и монотеизму. Начиная с древнего Рима армия была основным рассадником монотеизма, поскольку монотеизм — потенциальный союзник вожаков стай. Отсюда вытекает понятие воинствующей церкви (от газавата в исламе до крестовых походов в христианстве). Духовные воинские ордена — частный случай альянса между военной аристократией и церковной иерархией

На этой основе возникает тенденция неизбежного скатывания революций к империи. Эта тенденция означает восстановление большинства структур старого режима (полицейско-карательных учреждений, тайного сыска, бюрократического аппарата, подчиненной власти

⁴ В.Ю. Михайлин опирается на теорию Оуэна Лавджоя, который описал факторы, породившие человека как биологический вид. Определяющим в этом процессе было изобретение «детского сада», в котором несколько женщин присматривают за всеми детьми племени. Тогда у большинства племени развязываются руки для иных способов «потребления территории» и снятия «ограничителя рождаемости». Возникают три зоны: центральная соответствует территории проживания всей группы; срединная соответствует женской пищевой территории; окраинная пищевая территория принадлежит самцам. Каждая культурно маркированная территория автоматически включает адекватные ей формы поведения и исключает все остальные. Магистика — это власть кода над человеком.

церковной иерархии), которые на первом этапе революции пытаются разрушить. Маргинальные волчьи клики постепенно вырастают в специфическую государственность. Она сочетает в себе признаки Дикого поля с гипертрофированной тягой к сакрализации центра и вождя и выстраиванию жестких центростремительных структур. Волчья стайность входит в сочетание с высокой моралью и нравственностью, которые поддерживаются всеми доступными средствами.

В. Михайлин считает, что все перечисленные явления и тенденции образуют основание советского героического дискурса [Михайлин 2001: 278-320]. Каждая культура создает своего героя и героическую эпоху. Линейная организация времени предполагает исходную точку, от которой ведет историю любое человеческое сообщество. В мифомагистическом мышлении идеи центра и периферии переплетены с понятиями сакрального и профанного. Любое нециклическое движение центростремительно или центробежно. Обычно героическая эпоха помещается в начало времен, соединяется с космо- и теогонией или в эпоху освоения новой территории. Основанием для героизации событий является их расположение на временной прямой между героической эпохой и современностью.

Основным содержанием эпического текста (преданий и песен) является героическая смерть. Герой изначально мыслится как магический мертвец. В этом качестве он совершает подвиги и принимает смерть. Любой человек, вышедший за пределы окраинной хозяйственной зоны, обретает звериный, волчий статус и является магически мертвым: «Его возвращение равносильно воскрешению из мертвых» [Михайлин 2001: 281]. Боевое бешенство — главная характеристика провидческих способностей героя, атрибутивными животными которого являются волк и ворон. Умиравший или мертвый воин ближе всего к героическому воплощению. Одержимость, боевое бешенство — инвариант смерти. Интимные отношения со смертью играют могучую психотерапевтическую роль на социальном и индивидуальном уровне. Основные мифические сюжеты связаны с сезонными изменениями воинских ролей волка и собаки. Эти роли представляют две ипостаси единого образа. Во всех регионах воинские мужские союзы демонстрируют зависимость своего поведения от этого образа. Одновременно есть различие между псом и волком: связанность/несвязанность (наличие у пса ошейника и цепи); ориентированность агрессии в пространстве (у пса изнутри вовне, у волка извне вовнутрь).

Изначально мужские воинские союзы соответствовали волчьей сезонности — с мая по ноябрь они проводили в поле, а зиму в культурной человеческой зоне, оставляя Дикое поле настоящим волкам. С этим связана привычка собирать волосы так, чтобы образовать волчий хвост для обретения грозного вида и вселения страха во врагов. Рабы не имели права на такую прическу.

Магическая речевая дуэль перед боем — это аналог собачьего лая, задача которого — повысить свой и понизить воинский статус оппонента. Понижение восходит к общему источнику с ключевой формулой русского мата. Смысл инвектив таков: волки обвиняют псов за рабство, привязанность к домашнему хозяйству, бабью природу, постоянную связь с женщинами, когда настоящие воины воюют; но при встрече с волками псы подвергаются насилию и сами становятся бабами; псы обвиняют волков в дикости (пожирании падали, братоубийстве), неспособности к продолжению рода.

Деление членов воинского мужского союза на волков и псов связано с дихотомиями: привязанность/непривязанность к «центру» (земле, семье, собственности, дому, храму, государству); способность/неспособность к продолжению рода. При этом женщина выполняла две роли: показателя одомашненности волка/пса, символа его собачьей ипостаси; провокатора, валькирии, воспитателя и символа воинской удачи бойца, его боевой подруги. Во второй роли главными являются следующие свойства женщины: а) девственность как соци-

ально-магический статус, связанный с недоделенностью/невозможностью брака и правильного рождения детей; б) агонистический характер — активность и агрессивность, провоцирующий героя на сюжет.

Жрец в мифе выполняет опосредующую функцию между волком и собакой. Он воплощается в образе свиньи (вепря) и существует в двух ипостасях: домашней (пса) и дикой (волка). Будучи травоядным, может выступать и хищником, опасным для человека. Желуди и буковые орехи в древнегерманской культуре употреблялись в пищу людьми и свиньями, домашними и дикими. Все священные рощи были дубовыми или буковыми.

В эпоху ранних варварских королевств (V-VI вв.) произошла трансформация волчьего-собачьего комплекса. Римские провинции были пищевыми территориями, на которых уничтожались все очаги вооруженного сопротивления и которые старательно оберегались от постороннего «харчевания». Отношения варягов и славян были аналогичны.

Профессионализация армии ведет к окончательной утрате ее связи с почвой, со столицей как сакральным центром. Чем дальше от него отстоит армия, тем меньше она отличается от варварских дружин разбойников, и постепенно ими заменяется (казачество). Облик полководца, императора, цезаря начинает сливаться с обликом предводителя стаи. Он использует любую территорию (как варварскую, так и свою) для снабжения пищей; с точки зрения местного населения не существует никакого различия между профессиональной армией и стаями разбойников; с этими стаями связаны национально-освободительные движения; профессиональная армия подрывает у населения навык самообороны.

Вождь имеет право распоряжаться территорией по своему произволу, при условии соблюдения пищевых интересов стаи. С этим связана быстрая институционализация завоеванных земель, одержимость законодательным творчеством. Наведение порядка и законодательная база есть институционализация структуры пользования пищевой территорией. Раньше в Диком поле сезонные волчьи стаи бегали за добычей. В государстве территория становится добычей (может раздариваться и пр.) и местом постоянного проживания одновременно.

Государство держится на волчьего-собачьем принципе «все в дом», хотя волчий центростремительный принцип (потребление на месте) постепенно взял свое. В результате волки превращаются в псов за одно-два поколения. Так появляется право наследования и издание громадного числа законов, которые регулируют нормы потребления территории. Цвет европейского рыцарства рекрутируется по стайному принципу близости и сопричастности к вожаку. Критерии свободы относятся к воину-дружиннику, а не к вольному землепашцу. Связь с почвой — т. е. собачья привязанность к земле — сакрализуется и становится неразрывной.

Сакрализация центральной власти опирается на принятие христианства исключительно сверху. При этом суть христианской доктрины никогда не интересовала вожаков стай, зато они были всегда готовы нести ее в свой народ любыми средствами, вплоть до огня и меча (это типично для всех религий). Основным рассадником монотеизма всегда была армия — вне зависимости от содержания доктрины. Любая жесткая структурированная вера была потенциальным союзником власти.

«Крестовые походы получают высшую санкцию «священной войны», джихада-газавата против язычников и неверных. Статус «государева пса» или «пса господня» становится одной из наиболее привлекательных ролей. Происходит также взаимопроникновение героического и агиографического жанров — собака и жрец идут рука об руку и объединяются в одном сюжете и лице» [Михайлин 2001: 309].

Все сформулированные констатации В. Михайлин применяет для описания антропологической истории СССР. Установление советской власти началось с Дикого поля Российской империи — огромного по пространству и населению. Оно соответствовало территории,

подконтрольной Западной Римской империи. Отсюда вытекает базовое сходство механизмов формирования и функционирования европейского и советского героического дискурса, поскольку там и здесь на любом уровне присутствует насилие⁵.

Приставка «квази...»

Теперь детальнее рассмотрим положение о том, что профессиональные элиты в России есть, а политических нет или они являются квази-элитами. Военные традиционно считают себя профессионалами, а после проигранного сражения или войны обычно обвиняют политиков. С. Минаков проанализировал военную элиту СССР 1920-30-х гг. на материале впервые вводимых в оборот архивных источников. Отмечу важные моменты его исследования.

М. Тухачевский был убежден в существовании связки «еврей-христианство-социализм». Считал ее сущностью западной цивилизации. По его мнению, эта связь разрушала «коренные» ценности России, концентрировавшиеся в самодержавии. Тухачевский разделял славянофильское убеждение в том, что западная цивилизация базируется на деньгах и капитале. Суть противоречий между Россией и Западом — различие фундаментальных цивилизационно-культурных основ. Такой основой для России является дух, язычески воплощавшийся миллионами религиозно заряженных волей в харизматической личности — «земном Боге», «человеко-боге», «Сверхчеловеке» (по Ницше), «Антихристе» (по христианскому канону). Основа западной цивилизации — материальные ценности, капитал, и носители этой идеи — евреи, западные христиане и социалисты. Большевиком М. Тухачевский социалистами не считал [Минаков 2004: 142].

Он полагал, что России нужна новая религия: «Под знаменем марксизма мы скорее, чем с нашим крестом, войдем в Византию и вновь освятим Святую Софию... Революционная Россия, проповедница борьбы классов, распространяет свои границы далеко за пределы, очерченные договорами» [Минаков 2004: 144]. Его отношение к марксизму как религии было двойственным: он считал марксизм ценным как религию «нового язычества»; но иронично относился к фанатикам марксизма. Мироощущение Тухачевского определялось Апокалипсисом «мирового пожара» и «священной войны»: «Мы встряхнем Россию, как грязный ковер, а затем мы встряхнем весь мир... Мы войдем в хаос и выйдем из него, только полностью разрушим цивилизацию» [Минаков 2004: 145].

⁵ В. Михайлин описывает следующие процессы указанного сходства. Скорость институционализации подконтрольного новой власти пространства и сакрализация новых институтов. Суть большевистской партии — стайный принцип. Но статус стаи изменился, поскольку она сумела захватить огромную населенную территорию. Возникла задача осмысления новой роли и новой системы потребления территории. Вначале кормление власти происходило по нормальным волчьим законам (продразверстка, экспроприации, реквизиции). Затем произошла маргинализация большей части неподконтрольного власти вооруженного населения, которое успело распробовать вкус «крови и свободы». Эта часть не признавала права власти на землепользование. Как только истинная природа новой власти была осознана населением, оно начало борьбу с нею ее же методами — гражданской войны. Реформирование волчьей стаи в собачью произошло за два-три года (лихорадка декретов, административное строительство, сакрализация режима с помощью новой религии). Возникла задача выживания новой власти любыми средствами, а затем ее приращение по мере сил соседних территорий. Сформировалась мифологизированная нормативная эпоха. Основой официальной стайной риторики стало противопоставление «красных героев» и «гидры контрреволюции». Обмундирование с варяжскими шлемами снабдило «красных героев» былинными конотациями. Лишь после компрометации этой формы (в период поражений первых лет войны) следует структурно равнозначный имиджмейкерский ход — в армии вводятся ненавистные погоны. Красные песни связаны с героикой блатного романа. Лозунги свободы, равенства и братства обладают волчьими корнями. Образы женщин эпохи гражданской войны (в творчестве Фадеева, Фурманова, Островского) обладают всеми признаками публичной женщины. Любовь подается как искушение, через которое герою надо пройти на пути становления. У Фурманова «собака» (комиссар) одерживает победу над «волком» (Чапаевым), который умирает героической смертью. Создается агиография — от Чапаева до Штирлица

Л. Троцкий считал военную элиту профессионалами (ремесленниками) на службе политиков. М. Тухачевский полагал, что военная элита в революционной войне обязательно связана с политикой: быть стратегом и не быть политиком невозможно: «Концепция Тухачевского создавала предпосылки для широко распространенного мнения, что командир вообще и выдающийся военачальник в частности, это не хороший ремесленник, а одаренный природой „герой“, „военный вождь“, „демон войны“» [Минаков 2004: 162-163]. На этой почве формировалась идея о харизматических свойствах вождей Красной Армии (Л. Троцкий, М. Тухачевский, С. Буденный, В. Примаков, Г. Гай, Г. Котовский и др.). Но фактически 77,8% красных генералов попали в элиту благодаря связям с ведущими политическими деятелями [Минаков 2004: 172].

Показательна общая характеристика военной элиты Западного фронта в 1922-24 гг. Ее национально-этнический состав был следующим: 56% — великорусы, 23% — польско-литовско-белорусского происхождения, 9% — латыши, 8% — украинцы и кубанцы. Отсюда вытекали свойства военной элиты: большинство бывших «золотопогонников» (командиры корпусов, дивизий, полков, батальонов) были носителями социокультурной атмосферы Российской империи; они хотели выслужиться в новых условиях; отличались крестьянской ненавистью к богачам и интеллигенции; в этой группе была притуплена острота красно-белого противостояния; культивировалось полное политическое равнодушие; возрождались дореволюционные военно-бытовые привычки и традиции (дуэли); были распространены антисемитизм, пьянство, амурные подвиги (независимо от классовой принадлежности объекта уходаживания)⁶, взяточничество, воровство казенного имущества.

Структура белой и красной военных элит воспроизводила дружинный принцип формирования. Успех на полях сражений был результатом способностей, умения и боевого счастья героев-командиров. Авторитет командира дивизии определялся его связью с комсоставом и держался до тех пор, пока его признавали своим вождем снизу. Репутация вождя была обусловлена числом его командиров-выдвиженцев. Они несли в военную массу стихийную легенду вождя и способствовали преобразованию ее в официальную. Личная преданность командиру и бонапартистское подсознание были нормой. После ликвидации Врангеля главной опасностью для советской власти стала Красная армия (особенно армия Буденного, Червонное казачество, Богунская, Тарашанская бригады). Задача власти состояла в том, чтобы оторвать популярных командиров от войск, раскассировать спаянные общей боевой судьбой и пролитой кровью части. На этой основе самостийный принцип формирования военной элиты заменялся номенклатурным.

Уже в июле 1919 г. ВЧК обнаружила заговор в Полевом штабе Реввоенсовета Республики. То был самый ранний случай политической нелояльности и антиправительственной конспиративной деятельности военных. Заговорщики хотели подчинить властные политические структуры Генштабу, определяя оборону и армию как приоритетные направления государственного строительства. Затем они начали группироваться вокруг Тухачевского, настроения которого опирались на национализм и антисемитизм. В 1923 г. ОГПУ ликвидировало «Орден русских фашистов» среди командиров Западного фронта. Однако ОГПУ прикрывало аресты военнослужащих по причине политической нелояльности обвинением их в «шпионаже» и «утечке секретной информации». Впервые после революции возник конфликт

⁶Здесь они следовали за М. Тухачевским. Вот характерная реакция полковой парторганизации: «В 1924 г. ячейка одного кавполка вынесла следующее постановление: «Заслушав доклад о коммунистической этике и классовой морали, постановили считать необходимым для каждого коммуниста жениться исключительно на коммунистке, все остальные связи признать неэтичными... Воздержаться всем членам ячейки от половых сношений в течение двух лет для того, чтобы показать пример не на словах, а на деле беспартийным массам» [Минаков 2004: 198].

между военными и чекистами. Но власть держалась не на институтах власти, а на личностях лидеров. Поэтому в обстановке «политической прострации» страны удельный вес советской военной элиты повышался.

Отсюда вытекает главное свойство военной элиты — политическая неблагонадежность армии в стране с преобладающим крестьянским населением. Она была расколота на множество группировок вокруг конкретных лиц (троцкисты, тухачевцы, фрунзенцы и пр.). «Буденовцы» в 1930-е гг. отличались тщеславием, позой, стремлением быть на виду, завистью к молодежи.

Становление советской военной элиты было переплетено с дискуссией между геостратегическими концепциями, которая шла в 1924-28 гг. В рядах Рабоче-Крестьянского Красного Флота остались представители русского морского Генштаба (М. Петров, Б. Жерве, Н. Игнатъев, Н. Власьев, А. Тошаков). Они разработали концепцию «владения морем». В этой концепции предполагалось, что СССР есть морская держава, а ее главным противником выступает Англия. В отличие от моряков пехотинец М. Тухачевский поддерживал «континентальную» концепцию, согласно которой судьба СССР будет решена на суше, а главные противники — «лимитрофы» (Польша, Румыния, страны Балтии, Финляндия), затем более серьезные противники, обеспечивающие поддержку «лимитрофам» (Великобритания и Франция). Потенциальными друзьями он считал Германию, Италию, Венгрию.

А. Свечин и другие русские предтечи современной геополитики считали: Версальская система нестабильна и создана в интересах Франции, всегда стремившейся к созданию неустойчивых образований на своих границах и в целом в Европе. Тухачевский выдвинул идею «революции извне». Поддержка китайской гоминьдановской революции военными советниками во главе с В. Блюхером была реализацией этой идеи.

Для розыгрыша «национально-патриотической карты» Тухачевский в декабре 1927 г. встречался с А. Кутеповым. Встреча была подготовлена ОГПУ. Именно тогда появилась формула А. Деникина о двойной задаче Красной армии: она сначала разгромит внешнего врага, затем свергнет Советскую власть и установит «национальную» военную диктатуру. На деле советские организаторы встречи достигли тройной цели: внесли раскол в руководство РОВС и нейтрализовали боевую решимость белого военного зарубежья; создали почву для оперативной игры ОГПУ с легендой о заговоре Тухачевского; создали условия для отставки Тухачевского и радикальной чистки советской военной элиты.

«Германская модель» И. Уборевича была совершенствованием внутри старой системы, основанной на опыте Первой мировой войны, и представляла консервативную модель модернизации Красной Армии. Она предполагала тесные отношения с Рейхсвером. Но Рейхсвер первым выступил против контактов — германские военные предприятия в СССР пожирали много денег [Минаков 2004: 372-378]. Программа Тухачевского была иной. В русле концепции «революции извне» он постулировал, что «грандиозные войны, пока большая часть света не станет социалистической, являются неизбежными», и поэтому считал, что «задачей компартии является настойчивая, повседневная пропаганда борьбы против пацифизма»... В этом контексте прежняя стратегия сокрушения и революция извне соединялась с технической модернизацией Вооруженных Сил... После того, как нацисты в 1932 г. стали первой по величине парламентской фракцией, «следовало нейтрализовать их антисоветизм информацией о наличии в СССР родственной им по политическим и идеологическим настроениям тайной силы, которая вот-вот захватит власть». В феврале 1936 г. Тухачевский тайно встретился с представителями РОВС, «рассчитывая использовать их связи для установления контактов с германским политическим и военным руководством» [Минаков 2004: 378-380, 387, 426].

Все перечисленные факторы становления связи между военными и политиками в СССР приобретают особый смысл с учетом следующего факта: лидер Союза младороссов А. Ка-

зем-Бек уже в октябре 1933 г. усматривал на советских верхах две тенденции и две партии: полицейско-интернационалистическую и военно-националистическую. Первая была выражена в старой гвардии коммунизма, партаппарате, инородческих и семитских элементах, которые группировались вокруг ГПУ — полиции режима. Военно-националистическая (патриотическая) тенденция представлена в первую очередь армией. По его мнению, в борьбе военной и полицейской партии решится судьба Русской революции [Минаков 2004: 442-443].

Альтернатива «омоложение или смерть»

Прежде чем обсуждать судьбу русской революции, учтем не менее важный сюжет. Как показал М.К. Петров, в XX веке государство стало носителем научно-технической контрреволюции, в которой главную роль играли закордонные и советские «техно-якобинцы» (представители научно-технической интеллигенции), а также гуманитарии и командиры науки и техники [Макаренко 2011]. В современной России теория элит пропагандируется очередными акынами государства⁷. Этот факт можно считать частным случаем российской модели взаимосвязи науки и власти. Данная модель определяется свойствами российского научного сообщества: наука есть государева служба, т.е. знание под руководством и охраной власти; ученые обслуживают процессы усиления и централизации государства; должны постоянно доказывать отсутствие связи между развитием науки и смутами. На основе указанных свойств в России возник и существует до сих пор разрыв гражданского и профессионального статуса ученых — признание науки источником экономического и военного могущества одновременно усиливало подозрение к ней. Поэтому российская профессура еще до 1917 года вышла на передний край политической борьбы с самодержавием, но одновременно состояла в высших слоях бюрократии [Колчинский 2003: 335-344]. В СССР вторая тенденция многократно усилилась, поскольку власть физически уничтожила и морально развратила большинство ученых. Проблема сводится к дистанцированию от указанной тенденции.

Эту попутную проблему позволяет осознать книга О. Шишкина. После смерти Ленина в Кремле возникла паника. Но вожди большевиков были к ней уже готовы. Они решили: ключи бессмертия могут дать врачи и ученые. Для этого власть поставила перед ними несколько задач: добиться омоложения, вечной молодости, обосновать интеллектуальную исключительность правящих. Весь этот «джентльменский набор» был вынут из средневекового сундука. Но он стал списком научных интересов власти, которая «...решила, что в среде ученых всегда найдутся те, кто с радостью пойдет ей навстречу. И действительно, такие люди вскоре нашлись и предложили свои услуги» [Шишкин 2003: 33]. После смерти Ленина возникло состояние мистики, стихийной массовой истерии, коллективного мифа, в которое впало большинство отечественных и зарубежных политиков и интеллектуалов⁸. При вскры-

⁷Особенно примечательна здесь позиция Г.К. Ашина, который в советское время отвергал буржуазную теорию элит, а потом пропагандировал ее на всех углах. Ему вторит Р.А. Медведев, написавший кучу книг о советских вождях и их сообщниках, а также о нынешних российских «замечательных людях».

⁸Материалист Бухарин отмечал у Ленина экстраординарные качества: «По случайному разговору с деревенской старухой он угадывал биение пульса в крестьянке»... Бухарин указал на наличие у вождя не головы, а «мощного головного аппарата»... Отсюда возникала уже и рабочая гипотеза для научного поиска: возможно, бесконтрольный рост этой головы в последние годы и стал причиной трагического финала? А может быть, перед нами еще неизвестный науке антропологический тип человека? Вопросов было много, и все их следовало адресовать компетентным ученым». [Шишкин 2003: 37]. Авторы траурных статей заявляли: Ленин — совершенное существо с необычными качествами (не характерными для *Homo sapiens*), и называли его сверхчеловеком. Приват-доцент 2-го МГУ Н.Ш. Мелик-Пашаев в статье 1928 г. пророчествовал о массовом появлении в ближайшем будущем в СССР «грядущего сверхчеловека, для которого гениальность поистине станет ordinарным явлением». Г. Уэллс подчеркивал нечеловеческую волю, ум и способность Ленина к мышлению.

тии тела Ленина были извлечены мозг⁹, сердце, пуля и часть других органов. Все они были разложены по особым сосудам и являлись святынями. Среди большевиков не нашлось человека, который подписал бы приказ об уничтожении дорогих каждому сердцу кишечника, печени, почек. С мозга были сделаны слепки, которые прилагались к анатомическому материалу и входили в коллекцию советских мощей.

Для изучения ленинского мозга Клара Цеткин рекомендовала пригласить немецкого невропатолога, профессора Оскара Фогта — «человека с мировым именем и коммуниста по убеждениям». Этот коммунист по убеждениям с 1919 г. руководил Институтом исследования мозга в Обществе содействия наукам имени кайзера Вильгельма, был директором Нейробиологического института Берлинского университета¹⁰. Фогт занимался генетикой и евгеникой, изучая мозг и генетические механизмы выдающихся людей. На этой основе он создавал теорию элит, к которым (по его мнению) принадлежат высшие расы, успешные нации, закрытые властные группы — вроде кремлевской знати. Он хотел обнаружить в генетическом аппарате клетки механизма, способного дать ключ к созданию идеального человека. Его подруга Клара Цеткин считала Ленина одним из идеальных людей.

В феврале 1925 г. Фогт прибыл в Москву. Его пригласили на заседание светил советской медицины в Институт В.И. Ленина. Среди них был помощник директора Института В.И. Ленина и по совместительству заведующий Секретным отделом ЦК ВКП(б) И. Товстуха — око Сталина. Уже на первом заседании все светила высказались положительно на вопрос председателя: может ли цитоархитектоническое исследование дать указание на материальное обоснование гениальности В.И. Ленина?

Но Фогт просил отправить мозг Ленина в Берлин в свой институт, где есть сотрудники, уникальная аппаратура и «единственный в мире специалист по данному вопросу проф. Фогт». Советские вожди запретили перевозку серого вещества и предложили изучать мозг Владимира Ильича в России. Решение Кремля стало началом создания при московском Институте мозга сверхсекретной лаборатории расовой биологии. Фогт считал ее перспективной наукой.

Первый Расовый биологический институт был открыт в Упсале (Швеция). Его директор Герман Лундборг опубликовал в 1924 г. на страницах русского евгенического журнала статью, которая заканчивалась пассажем: «Значение народа не измерить числом его внешних военных сил, но его пригодностью в расовом отношении и его культурными вкладами. Для всех народов важно не только следовать за развитием, но, по возможности, идти во главе его» [Анненков 2005: 48]. В научной среде СССР тоже были сторонники теорий неравенства рас и «отсталых народов»¹¹. В СССР развивалась евгеника — наука об улучшении природы

⁹Ю. Анненков сообщает такой факт: «Приехав в Москву недели через три (после смерти Ленина, — В.М.), я был немедленно вызван в Высший военный редакционный совет, где мне предложили отправиться в основанный в Москве Институт В.И. Ленина для ознакомления с фотографической документацией ввиду предполагавшихся иллюстраций для книг, посвященных Ленину. „Ознакомление с документацией“ продолжалось около двух недель. В облупившемся снаружи и неотопливаемом внутри Институте В.И. Ленина ... меня прежде всего поразила стеклянная банка, в которой лежал заспиртованный ленинский мозг, извлеченный из черепа по время бальзамирования трупа: одно полушарие было здоровым и полновесным, с отчетливыми извилинами; другое, как бы подвешенное к первому на тесемочке, — сморщено, скомкано, смято и величиной не более грецкого ореха. Через несколько дней эта страшная банка исчезла из Института и, надо думать, навсегда. Мне говорили в Кремле, что банка была изъята по просьбе Крупской, что более чем понятно. Впрочем, я слышал несколько лет спустя, будто бы ленинский мозг был перевезен для медицинского исследования куда-то в Берлин» [Анненков 2005: 616].

¹⁰ Впоследствии Институт исследования мозга вступил в связь с гестапо, которое поставляло ему человеческий экспериментальный материал.

¹¹ Многие русские и советские ученые (включая «гуманиста» и иммунолога, Нобелевского лауреата И.И. Мечникова) разделяли взгляды Гобино и Чемберлена о неравенстве рас. Даже убежденный атеист, профес-

людей: «Евгеника — религия будущего, и она ждет своих пророков», — провозглашал Кольцов на страницах своего журнала. Кольцов и был таким пророком. А богом этой религии он видел искусственного генетика, творящего с помощью микроскопа расу будущих суперменов» [Анненков 2005: 50].

Всю эту ученую публику О. Шишкин называет «интеллигентные лакеи Кремля»¹². Работа германо-советского института развивалась в общих интересах советской и нацистской диктатур¹³. 27 мая 1936 г. Политбюро ЦК ВКП(б) получило от института доклад «Изучение мозга Ленина». Мощность мозга Ленина приравнивалась к мощности десяти полушарий «средних людей» и превышала мощность головы Куйбышева, Луначарского, Менжинского, Богданова, Мичурина, Маяковского, акад. Павлова, Клары Цеткин, Циолковского. У Ленина обнаружили «самый высокий процент борозд лобной доли в мозгу». Кремлевские вожди хотели получить от науки доказательство, что в канун смерти Ленин не был идиотом, а переходил «в другое интеллектуальное измерение. И догадливая наука услужливо поддакивала Кремлю» [Анненков 2005: 61].

Так возникла альтернатива — омоложение или смерть. Сказки об эликсире бессмертия и вечной молодости существуют давно. После смерти Ленина 31 января 1924 г. К. Ворошилов выступил на пленуме с докладом «Об охране здоровья партверхушки». Вожди СССР сформулировали лозунг «беречь старую гвардию», выделить особого товарища для наблюдения за здоровьем и условиями работы партверхушки. Психиатры Осипов и А. Залкинд пугали партию опасностью преждевременного старения.

Обезьяночеловек и сотрудницы особого назначения. Итак, в СССР произошло переплетение религии, политики, зоологии. Для этого уже были предпосылки. В 1910-1920-х гг. в Париже русский хирург С.А. Воронов занимался пересадкой человеку половых желез обезьяны. Победы над старостью вскружили ему голову. Он стал делать операции мужчинам и женщинам. У дверей его кабинета образовалась очередь богачей. Их цена не пугала. Они считали, что любая плата за обретение утраченного полового влечения и молодости будет незначительной. Воронов стал известным как кинозвезда. Он пророчествовал: «Недалеко то время, когда пересадка эндокринных желез обезьян, сделавшаяся доступной каждому хирургу, отметит собой значительный прогресс человеческой терапии» [Анненков 2005: 74].

Советские вожди ухватились за эксперименты Воронова. Поставили перед учеными задачу преодолеть старение. Для борьбы со старостью Институт органопрепаратов в 1925 г. был реорганизован в Институт экспериментальной эндокринологии. Начались эксперименты по омолаживанию. Трансплантатором назначили зав.хирургическим отделением Боткинской больницы В.В. Розанова. Для вождей СССР «...уверенность в хирургах не каприз, а часть государственной безопасности» [Анненков 2005: 76]. Розанову как активному «борцу за здоровье трудящихся» дали диплом «Герой труда». Но он, его родственники и друзья находились под наблюдением ОГПУ и могли ответить головой за неудачную операцию. Авторитет Розанова был помножен на особую близость к верхушке Кремля, включая Г. Ягода. Розанов стал также главным консультантом больницы ОГПУ.

сор Никольский писал, что у европейцев средний объем мозга около 1400 куб. см, а у низших пород современного человека редко спускается до 1000 куб. см.

¹² Один из них — Мелик-Пашаев — писал: мозг Ленина — прототип мозга грядущего сверх-человека. Фогт считал Ленина «ассоциативным атлетом», поскольку в третьем слое коры головного мозга обнаружил фантастическое количество больших пирамидальных клеток. Но профессор Шпильрейн в «Энциклопедии душевных болезней» указал: такие же пирамиды есть у идиотов.

¹³ «Нацизм и коммунизм волновали близкие темы: родословные, генетические и мозговые проблемы чистокровного homo nordicus и уникального super homo. Наука с энтузиазмом обслуживала интересы государственных мизантропий» [Анненков 2005: 59].

Вся номенклатура находилась в поле зрения Лечебной комиссии и Сталина, который через секретариат ставился в известность о пациентах. После смерти Фрунзе (лечебная комиссия настаивала на его операции) «в кремлевских коридорах почувствовали, что врачи могут быть не только спасителями, но и тихими палачами» [Анненков 2005: 83]. Через два месяца после операции (29 декабря 1925 г.) Розанов отправил в Институт экспериментальной эндокринологии депешу: Боткинской больнице в год нужно до 50 штук обезьян для трансплантации желез внутренней секреции людей.

Профессор И.И. Иванов занимался искусственным оплодотворением животных. В 1908 г. при поддержке акад. Павлова он организовал физиологическое отделение Лаборатории ветеринарного управления в Санкт-Петербурге. Возглавил Ветеринарную лабораторию МВД, которое нуждалось в увеличении поголовья породистых лошадей. После работы в Аскании-Нова Иванов занялся созданием биологических драконов, сочетавших качества разных животных. Он использовал метод искусственного осеменения млекопитающих для постановки опытов гибридизации между различными видами обезьян и между последними и человеком. Русский Франкенштейн мечтал создать идеальную обезьяну — искусственное существо, способное занять на лестнице дарвиновской эволюции промежуток между человеком и обезьяной. Он считал свой труд общечеловеческой миссией.

Сторонниками его эксперимента были математик Шмидт (авторитет в большевистских кругах), ученый секретарь научно-технической секции Государственного ученого совета (ГУС) и сексот ОГПУ, а также французские бактериологи Эмиль Ру и Альбер Кальметт — директор и заместитель Института Пастера. В 1923 г. Кальметт создал в колониальной Гвинее лабораторию. На обезьянах ставились опыты, отрабатывалось действие сывороток против человеческих инфекций (туберкулеза, проказы, рака). Иванов написал Луначарскому письмо, в котором предстоящий эксперимент обрамлялся марксистскими лозунгами и ссылками на то, что они поддержаны Институтом Пастера.

В письме Иванов жаловался, что во времена царизма его опыты напоролись на инквизиторов Святейшего синода. Он считал, что Советское правительство могло бы использовать выведенное живое существо в интересах науки и пропаганды естественно-исторического мировоззрения. Просил 15000 долл. Но сразу добиться поддержки правительства не удалось. Тогда Иванов написал А.И. Рыкову. Увещевал Предсовнаркома в необходимости создания нового животного или нового человека. Затем письмо легло на стол начальника управления делами Совнаркома СССР Н. Горбунова. Бывший секретарь Ленина имел авторитет в большевистской среде, был председателем комиссии по содействию работам АН и выполнял конфиденциальные поручения ОГПУ. Он стал ангелом-хранителем Иванова и энергично включился в работу по созданию невиданного существа.

Его поддержал также директор Института экспериментальной эндокринологии Шервинский, который с энтузиазмом отнесся к идее гибридизации¹⁴. Физико-математическое отделение АН предложило ему сделать доклад о проекте экспедиции в Западную Африку, после чего деньги дали. Иванов понимал, что индустрия омоложения потребует десятки и сотни обезьян для вождей СССР, их родственников и руководителей крупных парторганизаций в провинции. Поэтому он выдвинул идею — создать на юге СССР питомник, где будут содержаться обезьяны, будущие гибриды и их человеческие родители в особых условиях. Иванов мечтал создать обезьяноводство как новую отрасль животноводства¹⁵.

¹⁴ Мелик-Пашаев писал, что существа, родившиеся от такого оплодотворения, будут служить источником материала для замены органов и омоложения.

¹⁵ Ч. Дарвин давно зафиксировал родство между идиотами-микроцефалами и обезьянами: те и другие волосаты; обнюхивают каждый кусок пищи перед едой; сильны и деятельны; чешутся, резвятся, прыгают, гримасничают; на четвереньках взбираются по лестницам, мебели и на деревья. Сподвижник Дарвина А. Уоллес счи-

Судьбу обезьян пытались предопределить не только зоологи и трансплантологи, но и Штаб РККА. Начальник Военно-химического управления Яков Фишман весной 1925 г. был в Германии в секретной командировке в качестве неофициального военного атташе в рамках программы сотрудничества с рейхсвером. В 1925 г. боевые отравляющие вещества (ОВ) были запрещены. 48 стран подписали «Протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых и других подобных газов и бактериологических средств». Но втайне все страны развернули гонку по увеличению числа ОВ. Химическая пропаганда в СССР была связана с подготовкой химических войск в Красной армии. Она облегчалась секретными соглашениями с рейхсвером о совместной постройке в России завода по производству иприта. В лабораториях Военно-химического управления велись эксперименты на собаках, кошках и людях: «Газовой проверке должны были подвергнуться представители всех слоев советского общества, кроме обитателей кремлевского холма. Драгоценные сверхчеловеческие жизни требовали другой терапии» [Анненков 2005: 132]. Публикации в зарубежной научной прессе спровоцировали опыты на людях. Риск и здоровье экспериментаторов компенсировались денежными вознаграждениями (начсоставу), усиленным питанием (красноармейцам), увеличением отдыха и ежегодным курортом для лиц, подвергавшихся экспериментам.

Руководителем Лаборатории научно-испытательного химического полигона был физико-химик Давид Львович Талмуд. В 1934 г. он стал членом-корреспондентом АН СССР и «перебрался из одной живодерской лаборатории в другую, находившуюся в ведении ОГПУ-НКВД» [Анненков 2005: 137]. Показательный факт: среди лиц, участвовавших в советских опытах в качестве «субъектов» или «объектов», не было директоров крупных химических предприятий, партийных боссов, ветеранов ВКП(б), военных из руководства РККА. Единственным нововведением в систему опытов, проходивших в лаборатории №1 Отдела оперативной техники НКВД СССР стала замена устаревших терминов субъект и объект термином «птички» [Анненков 2005: 137-138].

Обезьяньи проблемы заинтересовали химотдел РККА. Здесь готовились купить партию обезьян для газовых экспериментов. Обезьянам суждено было первыми пройти ад газовых камер. Как считали стратеги в Кремле и в Берлине, «ошибиться в дозах боевых отравляющих веществ здесь было нельзя, так как за приматами должны были последовать и люди» [Анненков 2005: 142].

Инициативу по созданию обезьяньего питомника одобрил сам акад. Павлов. Но от Иванова она перешла к официальному учреждению — Институту экспериментальной эндокринологии: «Это было логично, ответственность должна была нести не личность, а организация. Она смогла бы аккумулировать государственные деньги и развернуть подготовительную работу» [Анненков 2005: 143].

Для выполнения задачи Иванов съездил в Германию и Францию. Европейские профессора поддержали его начинание, посоветовали ехать в Африку для проведения операции, предлагая сперму взять у негра. В СССР взамен расовой проповедовалась социальная гигиена. А. Залкинд рассматривал революции как важный евристический механизм в истории человечества: «Великая французская революция, — писал он, — как массовая лечебная мера

тал: ныне существующие первобытные народы — родственники шимпанзе. Первая версия истории любви обезьяны и девушки вышла на экраны мира в 1933 г. и стала фетишем поп-культуры. За шесть лет до этого советский ученый разработал план совоплощения человека и обезьяны.

Построения Дарвина стали руководством к действию для вождей Третьего рейха и советских дарвинистов-практиков. Последние опирались не только на наследие Дарвина, но прежде всего на марксизм. Исследования 1980-х гг. подтвердили гипотезу Дарвина об общем предке гориллы, шимпанзе и человека. И доказали моменты сходства обезьяны и человека: наличие речи (язык глухонемых), подобие религии, общие болезни (сифилис) и привычки (потребление алкоголя).

была полезнее для здоровья человечества, чем миллионы бань, водопроводов и тысячи новых химических веществ» [Анненков 2005: 153].

Все это происходило на фоне обезьяньих процессов в США. Во вторую поездку Иванов взял с собой молодого сына. Русский эмигрант журналист Ткачев подозревал, что сын будет непосредственно оплодотворять шимпанзе. Однако обстоятельства ловли обезьян были неудачными. Африканские негры — мужчины и женщины — отказывались вступать в половые контакты с обезьянами. А охота на обезьян превратилась в кровавое сафари.

Вся затея находилась под присмотром ОГПУ-НКВД. Руководство питомника смотрело на Иванова как на поставщика будущего сырья и соблюдало свои личные интересы. Кремлю обезьяны были нужны для трансплантации желез внутренней секреции. Иванов был одержимым и не понимал последовательности приоритетов экспедиции: сначала омоложение, потом гибридизация, а не наоборот. Поэтому доверие Кремля к профессору пошатнулось. Но Иванов по-прежнему выдвигал идею создания обезьяноводства как специальной отрасли животноводства: «Эту перспективную отрасль сельского хозяйства правильнее было бы назвать «экспериментальным человеководством». А продукт ее — «ценным гибридом», незаменимым в кремлевской медицине и газовых камерах РККА» [Анненков 2005: 245].

Институт экспериментальной эндокринологии выступал посредником между обезьянником и Кремлевской больницей. Сотрудники Института ждали материала для трансплантации¹⁶. О.Шишкин называет их «инженерами человеческих тел» (в отличие от писателей — «инженеров человеческих душ»). 1929 г. начался для Страны Советов с научных достижений¹⁷. Главными фанатиками улучшения человеческой природы были С.Г. Левит и А.С. Серебровский. Первый закончил Институт красной профессуры, получил от США Рокфеллеровскую стипендию для изучения евгеники. По его мнению, искусственный отбор цивилизованного общества, гарантированный современной медициной, вел к накоплению в генетическом аппарате негативных черт и отягощению разных наследственных недугов с каждым новым поколением. Поэтому С. Левит считал развитие человека невыносимым без революционных методов селекции и размножения. А.С. Серебровский предлагал отделить любовь от де-

¹⁶ «...Им не терпелось побыстрее осуществить омоложение кремлевских старцев и таким образом повысить и свой научный статус. Их не волновали проблемы эволюции обезьян, их беспокоила своя собственная эволюция в коридорах Советской власти... Чтобы еще больше убедить будущих высоких пациентов в необходимости и элементарности будущих операций по омоложению, эндокринологи стали устраивать различные конференции с сообщениями об успехах геронтологии во всем мире. Директор Института экспериментальной эндокринологии Шервинский в начале 1928 года огорошил своих подчиненных рассказом о новой победе над старостью итальянских медиков... Выступление Шервинского было озаглавлено как «Новые опыты омоложения женщины». В нем он сообщал «о поразительном случае омоложения 67-летней старухи» (Я: это выступление сразу опубликовано в «Красной газете»). Оказывается, не только дедушкам, но и бабушкам хирурги-эндокринологи могут вернуть утраченное половое влечение. А сколько старых большевичек, с нерастратенным потенциалом, могли бы приобрести давно забытое сексуальное влечение, если бы в СССР наладилось дело с обезьянами?» [Анненков 2005: 246-247].

¹⁷ Январский номер журнала «Наши достижения» сообщил: доктора С.С. Брюханенко и С.И. Чечулин получили фантастический результат: отрезали у одной собаки голову и начали пропускать через кровеносные сосуды головы с помощью насоса кровь другого пса. И голова жила. 10 января 1929 г. в Ленинграде открылся Первый Всесоюзный съезд по генетике, селекции, семеноводству и племенному животноводству. «Он напоминал штаб опьяненной победами армии, рассчитывающей на законное мародерство. Пропагандистская шумиха ... рисовала образ торжествующей чудо-науки, готовой сделать для новой власти все что угодно» [Анненков 2005: 263]. 19 апреля 1929 г. было проведено совещание, на котором выступал И.И. Иванов по вопросу: «О возможности постановки в Сухумском питомнике опытов гибридизации путем искусственного осеменения между антропоморфными обезьянами, а также между последними и человеком». В это же время профессор Г.М. Попова выводила исчезнувшие сорта пшеницы, академик ВАСХНИЛ М.М. Завадовский превращал петухов в куриц, куриц в петухов, готовился изучать семенную жидкость у гомосексуалистов, хотя гомосексуализм в СССР преследовался как уголовное преступление.

торождения, искусственно осеменять женщин рекомендованной спермой, а вовсе не обязательно от «любимого мужчины». Моральные ценности и семья должны отмереть. По его мнению, отказ женщин от искусственного осеменения должен квалифицироваться как поступок антиобщественный, аморальный, недостойный члена социалистического общества. Он считал, что от одного выдающегося мужчины-производителя можно будет получить от 1000 до 10000 детей. Фанатик евгеники применял ее принципы и к своей семье. У него имелось многочисленное потомство. В целом утопия Левита-Серебровского — это «государство будущего, находящееся под тотальным контролем генетиков» [Анненков 2005: 272].

Физико-математическое отделение АН СССР приняло еще 30 сентября 1925 г. постановление о большом научном интересе работ И.И. Иванова. Секция естественных и точных наук Комакадемии выделила средства на генетические исследования Левита-Серебровского. 19 апреля 1929 года на заседании Совнаркома решилась судьба опытов по скрещиванию человека с обезьяной¹⁸. Советская власть «...подталкивала профессора к сенсации, осуществление которой откроет дорогу к дальнейшим экспериментам на людях и их гибридах, а впоследствии и путь к другой цивилизации. Цивилизации еще неизвестных нам существ» [Анненков 2005: 279-280]. Генетика соединит человеческий ум с несокрушимой силой обезьяньих мускулов.

Для создания Сухумского обезьяньего питомника были учреждены секретные финансовые счета. Абхазия стала зоной особого доверия вождей. Они постоянно интересовались, как идут дела с обезьянником. Газета «Советская Абхазия» регулярно сообщала о поступлении в Сухумский питомник новых спасителей советской власти¹⁹. (Я: для развития использовать козлотура Ф. Искандера). В мае 1929 г. «Советская Абхазия» сообщила, что в здании местной психушки будет создан естественнонаучный музей, экспонаты которого будут доказывать родство человека с обезьяной. Ч. Дарвин считал идиотов возвращением в животное состояние. А в столице Абхазии «...два мира — мир антропоидов и сумасшедших — стали вглядываться друг в друга» [Анненков 2005: 283]. Экскурсанты посещали то и другое для научного назидания и зримого примера. Об обезьяннике писали газеты, приехала кинобригада. Партия поставила задачу снять фильм «Обезьяны и человек» как иллюстрацию к труду Ф. Энгельса «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека». Но обилие туристов превратило питомник в зоопарк. Обезьяны нервничали. Иванов считал, что проведение экспериментов невозможно.

Однако власть ждала гениталий. Здесь она отражала определенные тренды в общественном мнении: по сравнению с негритянками европейские женщины были более согласны вступить в половой контакт с обезьянами; в Советской России оказалось еще проще найти желающих принять участие в историческом эксперименте. Не пигмеи и банту, а русские бабы и мужики готовы были пойти на жертвы. В ответ на публикации в газетах в обезьянник добровольно обратились мужчины и женщины с просьбой использовать их в опытах бесплатно, «исключительно ради науки и просвещения подверженных религиозному невежеству сограждан» [Анненков 2005: 295]. Возле вольер с обезьянами поселились девицы — «сотрудницы особого назначения». Самые любопытные бляди просили зрителя позна-

¹⁸Научная секция Совнаркома вынесла вердикт: продолжить опыты межвидовой гибридизации в Сухумском питомнике между отдельными видами обезьян и между обезьянами и человеком; женщины должны давать расписку о согласии подвергнуться искусственному осеменению спермой антропоида; опыты должны протекать в условиях изоляции женщин, исключающей возможность естественного осеменения; должны быть поставлены на возможно большем числе женщин (не менее 5); в распоряжение Иванова предоставить врача; выделить специальную сумму на подопытных женщин и помощников.

¹⁹ 19 сентября 1928 года газета сообщила: «На днях в сухумский обезьяний питомник прибывает из-за границы новая партия обезьян в количестве 46 штук. В числе прибывающих имеются 4 орангутана, 8 шимпанзе, 25 гамадрилов и 8-10 разных видов павианов» [Анненков 2005: 255].

комить их с шимпанзе — будущим сексуальным партнером. Это чуть не стоило жизни одной из них.

Секретные исследования

Но тут перед Ивановым возникло неожиданное препятствие. Жизнь советских институтов — это интриги, связанные с борьбой за власть и финансирование научных проектов. Заместитель директора Института экспериментальной эндокринологии по обезьянам Тоболкин многих раздражал, поскольку держал и распределял кредиты²⁰. Руководство института знало о проведении летом опытов по скрещиванию человека с обезьяной. И обвинило Тоболкина в том, что он саботирует передачу животных для трансплантации половых органов деятелям партии и Советского правительства. 10 января 1930 г. на заседании правления института Сухумский обезьянник был выделен из состава института в самостоятельное учреждение Наркомздрава. Тоболкин выставлялся за порог научного учреждения, зато освобождалась ставка. Эта акция должна была осветить вождям роль Тоболкина в подготовке операций по омоложению партийных кадров, что могло вызвать гнев Кремля, привести к крушению статуса питомника и Тоболкина.

Тоболкин решил упредить дальнейшие шаги врагов: 6 февраля 1930 г. он направил в Комитет по заведованию учеными и учебными учреждениями ЦИК СССР разъяснение, суть которого — передать питомник в ведение самого Комитета. Из ЦИКа направили запрос в Наркомздрав. Тот ответил, что питомник должен находиться в его ведении. Тоболкину отказали. Наркомздрав направил в питомник комиссию для проверки финансовой деятельности. «Это было началом платы за независимость и своенравие, следствием которого стал отказ Тоболкина поставлять обезьян для донорских операций с гениталиями» [Анненков 2005: 291]. Кремль и Наркомздрав вначале не знали, как себя вести с взбунтовавшимся начальником обезьянника. Затем делом занялась РКИ, которая под маской проверки Эндокринологического института фактически была направлена на проверку действий Тоболкина в Сухуме. В итоге Тоболкина перевели зав. питомником и его научным руководителем.

Отвечать за все был вынужден Иванов. Его арестовали 13 декабря 1930 года. Обвинили в помощи международной буржуазии, враждебной деятельности против СССР и шпионаже. Иванов признал все свои преступные замыслы и был выслан на 5 лет в Казахстан. Сухумский питомник передали в Управление научных институтов Наркомздрава. В июне 1931 г. Иванов поселился в Алма-Ате, а 1 февраля 1932 г. постановлением Коллегии ОГПУ его освободили от стражи. Но 20 марта накануне отъезда в Москву он помер.

Жизнь обезьянника вновь оживилась после его передачи Всесоюзному институту экспериментальной медицины под руководством И.П. Павлова. Операции по омоложению с помощью пересадки семенных желез обезьян были признаны неэффективными. Сталин принял еще одну попытку решить проблему старости — перевел павловский институт (как будущий бастион бессмертия) из Ленинграда в Москву. Союзником вождя в борьбе со старостью выступил М. Горький — после чтения книги Б. Рассела «Научное предвидение». Тот писал о том, что медицинская наука должна перейти к эксперименту с человеком. Практическое осуществление этой идеи невозможно в консервативной Европе, зато по силам СССР. В планах научных работ института на 1935 г. тема «Старение» занимает десятое место, а остальные направления содержат секретные «оборонные темы» по заказам НКО и НКВД.

²⁰ «Опираясь на помощь кремлевских иерархов, он фактически создал собственное независимое даже в финансовом смысле учреждение, что не устраивало руководство его родного Эндокринологического института» [Анненков 2005: 285-286].

В секретном институте вместо науки омоложения детально разрабатывается наука умерщвления. Объектами исследования становятся люди. Организуется токсикологическая лаборатория с во главе с Г.М. Майрановским. В 1938 г. НКВД доверило ему испытания ядов и отравляющих газов на приговоренных к смерти. В июле 1940 г. на закрытом заседании Ученого совета ВИЭМ он защитил диссертацию на соискание степени доктора биологических наук. Оппонентами выступали корифеи советской науки — Н.И. Гаврилов, директор Государственного Союзного научно-исследовательского института органической химии и технологии (п/я 702). В опытах принимали участие добровольцы, которым на кожу наносили отравляющие вещества. Приехавшие из деревни молодые люди хотели устроиться в Москве. Здесь им предлагали работу, общежитие, питание и за дополнительную плату — участие в научных опытах.

Спустя некоторое время Сталин охладел к ВИЭМ: «Много занимаются теорией, мало дают в практику и не занимаются проблемой продления жизни». Такой вывод Сталина был равносильен смертному приговору. Неудача с омоложением, другие просчеты ВИЭМ и Лечсанупра Кремля (неудачи в лечении Горького, Жданова и самого Сталина) подсказали ему простую мысль: «Ученые и врачи составляют в СССР большую организацию дипломированных аферистов и убийц. Вначале они выкачивают из государства деньги, а потом уже и кровь из его не в меру доверчивых вождей. Репрессии разочарованного и подозрительного диктатора не заставили себя долго ждать» [Анненков 2005: 311]. В конечном счете евгеника (или зоотехния) попала в расизм.

Но вождей еще долго мучила жажда бессмертия и омоложения. Профессор А. Богомолец создал «сыворотку молодости». В 1970-е гг. глава 4-го Главного управления при Минздраве СССР академик Чазов способствовал практике американского врача Молнара, который хотел применить ткани человеческих зародышей для омоложения.

Кремлевская популяция была уверена в собственной сверхчеловечности, «явившейся плодом их жестокой политической борьбы и коварства изворотливого ума, то есть всего того, что сделало их лидерами среди других человеческих особей» [Анненков 2005: 314]. Даже в 1960-е гг. продолжались исследования ленинского мозга и поиски рецептуры для репродукции новой элиты. Книги И.М. Забелина по физической географии содержат ту же идею. 20 октября 1969 г. под грифом «Секретно» в ЦК КПСС поступила записка министра здравоохранения СССР Б. Петровского, в которой он предлагал воздержаться от публикации результатов исследования мозга Ленина, мотивируя это тем, что мозг надо сравнивать с мозгом выдающихся людей. Новые «выдающиеся люди» Суслов, Кириленко и Подгорный поставили под этим подписи.

Общий вывод О. Шишкина однозначен: люди стали объектами экспериментов потому, что «... в среде ученых всегда было достаточно разнузданных садистов и мерзавцев, одержимых желанием осчастливить человечество с помощью требуемых для науки человеческих жертв» [Анненков 2005: 316]. Так, американский генетик Джеймс Нил на деньги Комиссии по атомной энергии США в джунглях Амазонии заражал вирусом кори индейцев и хладнокровно наблюдал их гибель; русский врач Кидихин в ущельях Памира занимался опытами по регенерации: «В своей собственной тайной лаборатории он отрезал у животных и насильно удерживаемых людей конечности и другие органы, а затем пытался с помощью своих «чудодейственных» лекарств вернуть им ампутированное» [Анненков 2005: 316].

Кремлевская популяция

Теперь вернусь к судьбе русской революции. О. Гриневский описал связь военных, дипломатов, чекистов, политиков и идеологов во время холодной войны. Главный секрет хо-

лодной войны состоял в том, что СССР далеко отставал от США по ракетно-ядерным вооружениям, хотя советские руководители и СМИ все преподносили наоборот. В этих условиях министр обороны Д.Ф. Устинов развернул производство ракет и боеголовок. Производители оружия стали самыми уважаемыми и преуспевающими людьми в СССР. Но дипломатия и ВПК оказали стране роковую услугу. Малоэффективная советская экономика под гнетом гонки вооружений и силовой политики оказалась на грани краха. Непроизводительные военные расходы поглощали 15-20 процентов ВВП страны ежегодно, тогда как в США они составляли всего 6 процентов. Ноги советского колосса все больше становились глиняными [Гринеvский 2000: 7-9].

На вершине иерархии находился Л.И. Брежнев. Ему готовили 1-2 страницы всей мировой информации. Ее отбирали советники (А.М. Александров, А.И. Блатов) и референт Г. Дорошина. Первый из них был умной и коварной лисой. Генсек реагировал только на элементарные житейские ситуации. Не воспринимал и сердился на любые умные и глубокие обобщения. Каждый день поступала кипа телеграмм со всего мира (из посольств, резидентур КГБ и ГРУ). Из них отбирался десяток с краткой информацией: кто на кого напал; где случилось землетрясение или катастрофа; кто куда поехал, какой скандал с кем приключился.

Глава советской дипломатии А.А. Громыко пришел в большую политику на волне сталинских «посадок» в конце 1930-х гг. Это лишило его человеческих чувств веры, дружбы, товарищества. Друзей у него не было. Он руководствовался следующими принципами поведения: архиосторожность, стремление быть на стороне сильного, избегал принимать решения, в острых ситуациях ничего не делал — плыл по течению. И в таком направлении учил молодых советских дипломатов. За ничегонеделание в худшем случае пожурят, за ошибку голову оторвут.

Проблема революции решалась в контексте отношения между МИД, КГБ и идеологами. С 1950-х гг. МИД конфликтовал с международным отделом ЦК КПСС по причине личной неприязни между А. Громыко и Б. Пономаревым. С шефом КГБ Андроповым Громыко дружил.

В главе с названием «Три революции — и все плохие» О. Гринеvский обсуждает революции в Иране, Ираке, Афганистане. При ответе на вопрос: как относиться к Иранской революции? оказалось, что МИД, КГБ и международный отдел ЦК КПСС пытались ответить на него так: «Сколь бы радужно ни выглядела перспектива антиамериканской революции в Иране, Советский Союз не имеет к ней никакого отношения и не обладает реальными рычагами воздействия на ситуацию в стране» [Гринеvский 2000: 171]. Американцы на основе анализа иранской революции первыми зафиксировали альтернативу ближневосточных стран: военная диктатура или власть религиозных фанатиков. Отсюда вытекала необходимость вмешательства во внутренние дела. В ответ СССР решил припугнуть американцев. По разным каналам была запущена дезинформация о серьезных военных приготовлениях на иранской границе. Вашингтон клюнул: с конца сентября 1978 г. американские разведочники стали рисовать страшные картины подготовки массового советского вторжения в Иран. Например, в Специальной оценке национальной безопасности в августе 1980 г. указывалось, что наступление готовится по трем направлениям: из Закавказья, Туркмении и Афганистана. Даже количество войск указывалось — 12 дивизий Закавказского военного округа, 3-4 дивизии Туркестанского военного округа и части 40-й армии из Афганистана. На деле в 1978-1979 годах в этих округах проводились рутинные военно-штабные учения, а не военные приготовления.

Новый резидент КГБ в Иране наладил контакты со всеми группами, которые имели реальные шансы влиять на политику. Первым делом вышел на контакт с окружением Хомейни. Оказалось, что Хомейни очень осторожно относится к любым делам, касающимся Советского Союза. Когда в Иране взяли американских заложников, а американцы начали готовиться

их освобождать, СССР официально заявлял решительный протест против вмешательства во внутренние дела Ирана, а на деле одобрял эти действия. В Кремле стали созревать собственные планы вторжения в Афганистан. Американская акция в Иране могла служить оправданием — ввели войска, чтобы поставить предел американской экспансии. Такую позицию занимал Устинов.

Затем лидеры Ирана открыто взяли курс на экспорт исламской революции: призвали иракских шиитов восстать против «атеистических палачей в Багдаде», а мусульман Персидского залива — свергнуть прогнившие королевские режимы, которые живут по законам «неверного Запада».

Саддам Хусейн нанес первый визит в Москву 11 декабря 1978 г., будучи вторым человеком при дряхлеющем президенте Басре. Незадолго до поездки он обезглавил местную компартию (казнил 21 руководителя, многих арестовал по обвинению в проникновении в вооруженные силы). Международный отдел ЦК предлагал отменить его визит. Но МИД (Громыко) выступил в поддержку визита, мотивировав тем, что «Саддам Хусейн едет в Москву отчитаться о проделанной работе по сплочению арабов в борьбе против капитулянтской политики Садата» [Гринеvский 2000: 181-182].

На заседаниях Совета революционного командования Саддам Хусейн стрелял в тех, кто пытался ему перечить, а потом как ни в чем не было продолжал вести заседание. Затем сделал переворот: 22 иракских руководителя были приговорены к смерти, 33 посадили в тюрьму на срок до 15 лет. По его указанию высшие руководители партии и государства лично приняли участие в расстрелах своих бывших товарищей. Так Саддам Хусейн стал президентом Ирака. Во время ирано-иракской войны международный отдел ЦК выступал за Иран, МО — за Ирак, МИД и КГБ заняли среднюю позицию: военная победа любой из сторон может привести к кардинальным изменениям в регионе, которые будут отнюдь не в интересах Советского Союза.

По линии КГБ докладывалось о возможности свержения Дауда в Афганистане. Но этой информации ходу не давали — она не вписывалась в общую картину представлений об Афганистане. Международный отдел ЦК (Пономарев, Ульяновский) и КГБ (Андропов, Крючков) единодушно полагали: Афганистан — это отсталая, неразвитая страна, где господствуют средневековые племенные отношения, а весь образ жизни определяется исламом. Поэтому социалистической революции в Афганистане быть не может — она преждевременна с точки зрения объективного уровня социально-политического развития афганского общества и государства.

Апрельская революция в Афганистане тоже застала Москву врасплох. Громыко занял выжидательную позицию, Устинов молчал, зато проявили активность Андропов и Пономарев. Они доказывали: Афганистан не созрел для социалистической революции; создание однородного коммунистического правительства приведет к сплочению правой оппозиции, вызовет беспорядки, которые неминуемо повлекут за собой иностранное вмешательство; надо создать коалиционное правительство, в которое должны войти коммунисты наряду с другими партиями, но оставить за собой ключевые позиции — армию, полицию, госбезопасность.

Проблема фундаментализма

После иранской революции Москва впервые столкнулась с исламским фундаментализмом и встала в тупик: что это такое и как к нему относиться? Громыко не сомневался: «Фундаментализм — это крайне реакционная религия... Мракобесие». Примерно так же оценивало фундаментализм руководство международного отдела ЦК. Пономарев, его заместители

Ульяновский и Брутенц в один голос говорили, что это *клерикальная революция* и даже в некотором смысле контрреволюция» [Гриневский 2000: 207].

МИД решил разобраться, поскольку все страны Ближнего и Среднего Востока были более-менее охвачены идеями исламского возрождения. Но в Москве не оказалось специалистов. Позвали ученого из Баку. Тот прочитал апологетические лекции о прообразе «исламского общества», которое восходит к Мухаммеду и имаму Али. Путь к обществу исламской справедливости пролегал через внедрение ислама во все поры жизни. Исламская революция призывала не только свергнуть шаха, но и освободиться от разлагающего влияния Запада, запретить потребление спиртных напитков, женщинам носить чадру. Азербайджанский ученый считал это правильным.

Но отцы-основатели фундаментализма учили, что угроза для истинных мусульман исходит не только от «материалистического Запада», но и от «атеистического Востока». «А в борьбе против одной сверхдержавы не следует опираться на поддержку другой. Надо идти собственным мусульманским путем. Имам Хомейни так и говорил: — Америка хуже Англии, Англия хуже Америки, а Россия хуже их обоих» [Гриневский 2000: 209].

МИД считал: фундаментализм — это возвращение к древним национальным ценностям, которые обеспечат мир, благополучие и процветание; фундаментализм — отряд национально-освободительного движения. И решил установить деловой контакт с фундаменталистами, использовать их для вытеснения США и других западных держав с Ближнего Востока [Гриневский 2000: 209]. А поскольку ислам впитался в повседневную жизнь и мировоззрение людей на Востоке глубже, чем христианство на Западе, бороться с ним бесполезно. Но оставались опасения относительно советских мусульман (Центральная Азия, Кавказ, Татария, Башкирия). Проблема не была разрешена. Поскольку ясности не было, Громыко и Андропов решили ничего не делать, будучи заражены совчанством, которое они проявляли вслед за Хрущевым: «Хрущев искренне сердился, когда ему говорили, что наша Солнечная система находится на окраине Вселенной. Он видел в этом подвох: как он, руководитель великого Советского Союза, может находиться на задворках?» [Гриневский 2000: 212]. Громыко тоже считал, что в СССР все передовое — наука, культура, даже история. Афганскую авантюру с самого начала пробивали Сулов и Пономарев, желая присоединить Афганистан к социалистическому лагерю. Начальник Генштаба Н.В. Огарков возражал против ввода войск, поскольку регулярная армия не может справиться в горских партизанами. Но Устинов привел к тому, что армия была вынуждена поддерживать акции КГБ. Так хвост начал крутить собакой [Гриневский 2000: 298, 299, 309].

О. Гриневский формулирует резюме: уроков из афганской трагедии не сделано, поскольку за Афганистаном последовала Чечня. Брежнев не отвечает за случившееся, поскольку он мало понимал. Политбюро прикрывалось немощным Генсеком и превратилось в большое боярское гнездо, где каждый владел и управлял своей вотчиной. Согласие строилось на круговой поруке: ты не лезешь в мои дела — я не лезу в твои. На этой основе принимались главные политические решения. В этом боярском синклите никто друг другу не доверял, между собой не общались, но следили, чтобы никто не посягнул на их вотчинные владения. Лишь Андропов, Устинов, Громыко держались вместе, определяли военно-политический курс государства и никого к этому не подпускали.

Политические взгляды этой «тройки» были таковы: Устинов занимал левый радикальный фланг, уповая только на силу, а разговоры о разоружении, политических и дипломатических средствах укрепления безопасности считал пустой болтовней для научных симпозиумов; Громыко занимал правый либеральный фланг, не оспаривал значение военной силы, но считал, что безопасность должна строиться на сочетании военных и политических акций; Андропов находился между ними, в центре. Практически это выглядело так: Громыко высту-

пал генератором идей достижения компромисса с Западом, но при выработке конкретных позиций никогда не шел на конфликт с военными, особенно если видел, что Андропов на их стороне. В то же время поощрял заместителей на бескомпромиссность в отношениях с МО и КГБ. Если не удавалось выработать совместную позицию, он соглашался с военными, полагая, что на них лежит главная ответственность за оборону страны. А Брежнев их слушался.

В конце книги О. Гриневский ссылается на беседу с маршалом Огарковым, который говорил: «Бога надо благодарить, что при таком боярском правлении случился только Афганистан. А еще ведь могли быть и Польша, и Ближний Восток или даже... страшно подумать — ядерная война... И такое обсуждалось» [Гриневский 2000: 334].

Голубая кровь

А. Бовин на основе анализа коллектива российского посольства в Израиле дает характеристику советских (российских) дипломатов и разведчиков.

Свойства дипломатов как социальной группы таковы: крайняя скупость, не выписывают никаких журналов и газет (за пять лет никто ни на что не подписался), не ходят в театры и концерты, если надо покупать билеты; крайняя грубость, особенно в консульских отделах; крайне низкая общая культура, не знают литературы, искусства, философии, современной мировой общественной мысли; не умеют смотреть на себя со стороны, с долей иронии; в МИДе их заедает чиновничья текучка, за границей хотят прибахлится; усердие подменяют суетой и холуйством — перед визитом начальства появляется блеск в глазах; крайняя бюрократизация, коррумпированность и скаредность; распустили профсоюз, поскольку надо платить 1% зарплаты в качестве членских взносов; даже доллары на шекели меняют не в своей бухгалтерии, а у знакомого менялы на рынке; уклоняются от выполнения служебных обязанностей, пьянствуют, перепродают на местных рынках закупленные с дипскидкой товары [Бовин 2003: 143, 468, 41, 73, 108, 160, 182, 339]. За претензиями на голубую дипломатическую кровь скрывается комплекс неполноценности.

25% дипломатов посольства в Тель-Авиве — работники спецслужб. За пять лет работы, — пишет А. Бовин, — я не столкнулся ни с одной государственной тайной. Вместо этого — беспредел чиновничьего произвола, облеченного в форму инструкций. Свойства дипломатов переплетаются с качествами сотрудников КГБ и ГРУ как института и социальной группы. Советская разведка всегда перебарщивала по части массовости, вербуя в свои ряды шоферов, врачей, уборщиц; «товарищи из органов» выступали при послах как комиссары и полиция нравов, хотя их собственные нравы не отличались строгостью; большинство разведчиков — малоквалифицированные люди, которых слали за рубеж по знакомству и которые вели себя там как хозяева; отличаются безделием и кляузничеством; собирают сведения о встречах наших девушек с израильскими гражданами; отличаются допотопным мышлением — имеют склонность сводить крупные политические проблемы к козням, интригам, проискам сионизма; стремятся восстановить позиции, которые они занимали в штатных расписаниях посольств и которые в начале 1990-х гг. были сужены; для этого муссируют идею повышения бдительности и безопасности; так происходит «возврат к тем временам, когда всех иностранцев считали потенциальными шпионами, а всех «совграждан» потенциальными предателями. Если согласиться с предлагаемым порядком, то «загранучреждения» превращаются в подсобный цех разведки» [Бовин 2003: 70-71, 258-259, 292-293, 387, 528].

Выводы

Обзор нескольких книг позволяет зафиксировать подпочву нынешних элитологических

штудий, а также деклараций о том, что в России все же есть политические элиты. Пространственно-магистический подход позволяет использовать концепты стаи и животных (волка, собаки, свиньи) для анализа проблемы элиты. Образ свиньи — элемент мифо-магистического мышления. В этом типе мышления жрец (т. е. член духовного сословия) выполняет опосредующую функцию между волком и собакой. Член духовного сословия воплощается в образе свиньи и существует в двух ипостасях — домашней (собаки) и дикой (волка). Будучи травоядным, свинья может выступать также опасным для человека хищником. При этом важно отметить, что наведение порядка и законодательная база советской власти — это институционализация структуры пользования пищевой территорией. Государство держится на волчье-собачьем принципе «все в дом», хотя волчий центробежный принцип (потребление на месте) постепенно взял свое. Сакрализация центральной власти опирается на принятие христианства исключительно сверху. Основным рассадником монотеизма всегда была армия — вне зависимости от содержания доктрины. В 1930-е гг. в СССР произошло усиление жречески-собачьей охранительной имперской идеологии, открывшей притягательность исторической преемственности.

Результаты исследования О. Шишкина надо поставить в контекст российской модели отношения между властью и наукой. Русская власть навязывает ученым способ поведения, они вынуждены приспосабливаться к ее интересам. При таком подходе с власти снимается ответственность. Видимо, та же схема лежит в основании представлений об элите. Эта теория не может рассматриваться как элемент при построении независимых социогуманитарных наук. Тогда как общие модели взаимодействия науки и власти могут быть исходным пунктом для анализа политико-гносеологической почвы, на котором растет элитология [Макаренко 2005]. В СССР религия и политика переплелись с зоологией. Конкретным результатом этого переплетения была секретность научных исследований и участие в них советских спецслужб — от секретных отделов партии до НКВД-КГБ.

Стереотипы мышления, поведения и действия так называемых «политических элит» связаны с убеждением в «особом пути России». При этом самодержавие (авторитаризм) рассматриваются как главная ценность. С ним связываются преобразование марксизма из научной идеологии в язычество как новую религию, в которую входит древняя идея «священной войны». Роль военных, чекистов и идеологов определяется их связью с политическими деятелями. При этом всегда существует явный или скрытый конфликт между военными, чекистами и идеологами. Он выражается в различных позициях по поводу определенных политических ситуаций. Эти позиции обычно связаны с житейским и политическим оппортунизмом всех участников политического процесса. Он влияет на движение знания и информации. Интеллектуально-политические моды скрывают влияние дипломатических, военных и разведывательных агентств на реальную политику, процессы производства идей и гуманитарного знания в целом. В этом контексте формируется политика в области гуманитарного знания в России. Нынешнее отрицательное отношение к революциям и интерес к фундаментализму — следствие ошибок политического руководства СССР/России. Проблема сводится к анализу механизмов воспроизводства таких ошибок. К ним относится бездумное следование большинства научного сообщества к тому, что им вдувает в уши пропаганда. В.В. Маяковский предупреждал: «Дыра в ушах не у всех сквозная — иному может запасть». Каждый читатель может определить. Хотя бы в отношении собственных ушей и дальнейших размышлений...

- Бовин А. 2003. *5 лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства (из дневника)*. — М.: Захаров.
- Гриневский О. 2000. *Тайны советской дипломатии*. — М.: Вагриус.
- Гудков Л. 2009. *Природа путинизма. Доклад на V Ходорковских чтениях, 8 декабря 2009 г.* — Доступно: <http://www.memo.ru/2009/12/12/gudkov.htm> — Проверено: 24.05.2013.
- Гудков Л., Дубин Б., Левада Ю. 2007. *Проблема «элиты» в современной России*. — М. Колчинский Э.И. (ред.) 2003. *Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки*. — СПб.: Дмитрий Буланин.
- Кон И. 2008. *80 лет одиночества*. — М.: Время.
- Макаренко В.П. 1990. *Революция и власть: размышления политолога*. — Ростов-на-Дону: Ростиздат.
- Макаренко В.П. 1992. *Социальная структура: явные и скрытые элементы*. — Ростов-на-Дону: Логос.
- Макаренко В.П. 2005. *Наука и власть: контекст социальной истории науки*. — Логос. — № 6.
- Макаренко В.П. 2011. *Научно-техническая контрреволюция: идеи М.К. Петрова как источник мысли*. Ростов-на-Дону, Ростиздат. — Доступно: http://www.polisportal.ru/files/File/puvlication/Region/Rostov/Tehno-qkobincy_na_podhvate.pdf <http://politconcept.sfedu.ru/2010.2/04.pdf> — Проверено: 24.05.2013.
- Минаков С. 2004. *Военная элита 20-30-х годов XX века*. — М.: Русское слово.
- Михайлин В. 2001. *Между волком и собакой: героический дискурс в раннесредневековой и советской культурной традициях*. — *Новое литературное обозрение*. — № 1/47.
- Михайлин В. 2005. *Тропа звериных слов. Пространственно ориентированные коды в индоевропейской традиции*. — М.: НЛЮ.
- Патрушев С.В. 2011. *Кликократический порядок как институциональная ловушка российской модернизации*. — *Полис*. — № 6.
- Тощенко Ж.Т. 1999. *Элита? Клань? Касты? Клики? Как назвать тех, кто правил нами?* — *Социс*. — № 11.
- Шепилов Д.Т. 2001. *Непримкнувший*. — М.: Вагриус.
- Шишкин О. 2003. *Красный Франкенштейн. Секретные эксперименты Кремля*. — М.: Ультра.Культура.
- Эпштейн Д. 2005. *Совхоз «Элита»*. — *Отечественные записки*. — № 5.
- Юдин Б.Г. 2004. *От утопии к науке: конструирование человека*. — *Вызов познанию: стратегии развития науки в современном мире*. Отв. ред. Удумян Н.К. — М.: Наука.